

Цецен Балакаев

БЪЯНКА

Пять дней сентября

18+

Цецен Алексеевич Балакаев

Бьянка. Пять дней сентября

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69969532

SelfPub; 2023

Аннотация

Современная повесть на сюжет о первых годах перестройки, когда открылись границы между Востоком и Западом, и советские люди устремились в запретный для них мир. Герой повести не из тех, кто увидел в этом возможность бежать. Он живёт своей жизнью, где окружающие что-то ждут и требуют от него – друзья, женщины, бизнесмены: продавать сахар, «Мальборо» и битые иномарки. И в этой суете его верными спутниками и опорой остаются Беллини, Рембрандт и Боттичелли. Цецен Балакаев – лауреат Всероссийских литературных премий имени А.К. Толстого (2018) и Антона Дельвига (2022). Он прожил в Нидерландах четверть века, и голландцы считают его своим писателем, а потому «Бьянка», как и весь авторский цикл «Голландских рассказов и повестей» необычное явление в современной российской литературе. Все события и персонажи повести как литературно-художественного произведения являются вымышленными, и любое совпадение с реальными событиями и реально живущими или жившими людьми случайно.

Содержание

БЪЯНКА. Пять дней сентября	4
Часть первая. Амстердам	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Цецен Балакаев Бьянка. Пять дней сентября

БЬЯНКА. Пять дней сентября

Голландская драма

Однажды на узкой амстердамской улице меня сбил автомобиль. За его рулём был «Патрон», крёстный отец одного из городских районов. Он был родом из семьи простых честных трудяг, свято чтящих королеву, веру и закон, и благодаря упорству стал звездой велоспорта. Участвуя в велогонке «Милан-Санremo», он влюбился в финалистку знаменитого песенного фестиваля и привёз её в Голландию. Вместе с нею в Амстердам, в те далёкие времена вожаемый для итальянцев богатый город, просочились её родственники, члены синдиката. Он разбогател и превратился в Патрона, помогавшего каждому без исключения бедному жителю своего района.

Но жизнь не столь прекрасна и проста, как в сказке. С богатством на него свалились несчастья, незнакомые беднякам. И столкнувшись с ним на Старой Верхней улице, я

невольно ненадолго заглянул в окружающий его противоречивый мир.

Все события и персонажи повести как литературно-художественного произведения являются вымышленными, и любое совпадение с реальными событиями и реально живущими или жившими людьми случайно.

Часть первая. Амстердам

I.

В то воскресное утро я лежал на диване, глядя в потолок. За окном распевался сосед, солист Стоперы, и старательно выводимые рулады, свежо звучащие поверх уличного шума, возвращали меня к тому, что через неделю я должен был возвращаться домой. Сегодня второе сентября, раз за разом думал я, и тебе, Ваня, пора домой.

Это была третья моя поездка в Амстердам. По мнению друзей и знакомых, живо участвующих в моей жизни советами и рекомендациями, первые две прошли совершенно бездарно: я ничего не привёз, не продал и не заработал. Сейчас, думал я, всё повторяется.

Я представил глаза друзей, не понимающих, как можно столько раз съездить в Голландию и не стать миллионером. Они не были за границей, где, им казалось, лишь ступи ногой на голландскую землю, и на тебя посыплются гульденy, доллары, товары и жирный навар. А я лишь транжирил за границей и упускал свой шанс, сходились друзья в общем мнении.

Хоть я считал по-иному, но всё же к третьей поездке сделал некоторые приготовления, впрочем, не имея особых планов. В предыдущий вояж мне удалось открыть голландский счёт. Я положил на него тысячу гульденов и получил чеко-

вую книжку, и вид этой книжки кружил всем головы. Мне советовали закупить в Амстердаме большую партию сахара или грузовик сигарет «Мальборо» и перепродать дома – в общем мнении это мгновенно принесло бы миллионы.

Кроме того, перед выездом я на всякий случай занял пять тысяч долларов у друга Серёги, чья мать заведовала отделением «Сбербанка» у Гостиного двора, отдал их знакомому голландцу, и по прибытию в Амстердам эти деньги были на моём счету. До сих пор я их не трогал, и сейчас лежал и думал, что же с ними сделать, чтобы стать миллионером. У меня была неделя.

Я снимал квартиру в центре Амстердама, на узенькой туристической Ауде Хоохстраат, или на Старой Верхней улице, соединяющей площадь Дам с блошиным рынком Ватерлооплейн. По воскресеньям рынок был закрыт, но поток туристов и бездельников не стихал ни на миг, он бурлил под моими окнами днём и ночью. Громкие крики и многоязычный говор стали частью моей жизни. Но зады улицы были тихими – моя парадная выходила в Заюдеркеркхоф, большой внутренний двор, где красовался придел старинной церкви Заюдеркерк с высокой колокольной, одной из амстердамских достопримечательностей. Я быстро привык к бою церковного колокола, отсчитывавшего время окрестностей...

Ударил колокол. Десять. Я набрал номер армейского друга из Воронежа.

Миша работал в автосервисе. Он был добродушным ры-

жим толстяком огромного роста с блекло-голубыми глазками и тонкими усиками, которые поминутно скручивал в верёвочку, шумным, но надёжным парнем. Все его звали Портосом.

Трубку взяла его мать.

– Здравствуйте. Можно к телефону Мишу?

– Миша поздно вернулся и спит.

– Я звоню из Амстердама. Он мне нужен по делу.

– Ваня, это ты? Почему сразу не сказал? Я разбужу Мишу. Только не втягивай его в историю. У него всё складывается хорошо и вроде бы женится.

– Кому жениться, тому и ночь не спится. На женитьбу не похоже, – засмеялся я.

– Это ты такой, Ваня, а у Миши иначе... Он у меня медведь. Уже бужу...

Через минуту Портос радостно заорал в трубку.

– Брат, ты как? Дурака не валяешь, как всегда? И когда назад? Ваня, а ты затарился товаром? И что за козёл блеет у тебя?..

– Привет, Портос. Это не козёл, это распевается мой сосед Энцо, оперный певец. Сегодня вечером у него премьера. А домой собираюсь через неделю. Потому ломаю голову, что делать. Может, надоумишь, что мне взять, чтобы был навар? Есть пять тысяч.

– Энцо Ферарри? Ха-ха-ха!.. Ваня, на пять штук бери тачку! А я встречу в Бресте!..

– Портос, брось шутить. На пять тысяч «Феррари» не возмёшь. Да из Бреста гнать машину опасно, ведь таможеню и трассу контролируют бандиты.

– Хе-хе, Ваня, эти бандиты не страшнее меня. Я приеду с «сайгой». Опыт есть, я уже перегнал две машины. Мы отскочим через Смоленск на Воронеж.

– Хорошо, Портос. Я подумаю. А что брать? Не «Феррари» же...

– Ваня, ну не будь дураком! Ты вспомни, как полковник Виноградов всегда кричал перед строем, что у нашего Вани самая большая голова во всём округе! Ха-ха-ха...

– И ещё он кричал, что очки это продолжение моей головы.

– Уха-ха... Ваня, ты единственный очкарик, которому я не отвесил тумачков! Знаешь почему? Потому, что твоя голова это Дом советов! Только ты какой-то непрактичный... Тебе бы чуток здравомыслия, брат!..

– Хорошо, я согласен, Портос. Дай мне, умнику с большой головой, практический совет. Что же мне привезти из Голландии, чтобы стать миллионером? Брать мне сахар или «Мальборо»?

– Ты не дури, Ваня! С сахаром и «Мальборо» тебя обдерёт таможня, дело даже до бандитов не дойдёт. А тачки это моя тема. Ко мне не сунутся – всех поубиваю. Бери только «БМВ». За пять штук ты сможешь найти «трёшку» в отличном состоянии. Только смотри, чтобы пробег был мень-

ше ста. Или ищи «пятёрку» в удовлетворительном состоянии, чтоб салон в коже и спортивный руль. За эту «пятёрку» я сразу дам тебе десять.

– Хорошо, Портос, подумаю. Я перезвоню. Ты женишься?

– Если пригонишь «пятёрку» – то будет, на что гулять. Прогуляем весь навар! Ваня, ты не подведи! Невеста ждёт!..

– Я понял. Наш Мишка не пьёт лишка. Смажь свою «сайгу», боевой друг, заряди и держи наготове...

Что ж, машину так машину. Портос всегда был склонен к возне с железом, будь это армейский танк или старенький дребезжащий «Запорожец», на котором он прокатил меня этой зимой...

Я встал с дивана и подошёл к раскрытому окну. Внизу текла обычная жизнь туристической улицы. На разный лад трещали велосипедные звонки, кричали «держи вора!» и под россыпь фортепианных брызг рвался страстный, сладкий голос Энцо:

«Ах, вспомнить ужасно!

В храме Венеры со мною милая дева стояла;
в розах и в белой одежде чистой красою сияла.

Слышались брачные гимны, вокруг фимиам там курился;
сердцем я весь уносился в мечты о блаженстве любви...»

Всё было, как обычно, но сейчас жизнь улочки и замечательный сосед Энцо меня вовсе не интересовали. Мне нужна была соседка из дома напротив. Это была девица моих лет, жгучая брюнетка свободных нравов.

Мы познакомились в первый же день, как я заселился здесь. Тогда я выглянул из окна и увидел напротив совершенно голую девуцу. Разделявшая нас улочка была узкой, и казалось, что она была совсем рядом. Чёрные, словно вороново крыло, волосы копной обрамляли набеленное лицо с большими синими глазами под густыми накладными ресницами. На мой вкус, вид её был вульгарен. Она расхаживала по комнате с журналом в руках, затем уселась в кресло перед распахнутым окном и закурила. Увидев меня, соседка дружелюбно помахала рукой.

– Ты кто?

– Я ваш новый сосед. Извиняюсь, что устался, но не могу же закрыть окно, чтобы не видеть вас.

– Глазей сколько влезет. Вот – смотри!.. Красивая грудь? Я дома. Ты откуда?

– Из Ленинграда.

– Это где?

– Я из Советского Союза.

– Где это?

– Ммм... А Россию знаете? Слышали о царе Петере?

– Русланд? Бьюсь об заклад, тебя зовут Иваном.

– Да. А я бьюсь об заклад, что если у вас есть друг, то он Ян.

– Да, мой бой-френд Ян. А я Ким.

– Вы всегда голая?

– Нет, ню я только дома. Одеваюсь на работу. Работаю

внизу, в магазине, – Ким показала пальцем вниз. – Заходи и что-нибудь купи.

– Вы много зарабатываете?

– По-разному. Есть сезон и вне сезона.

– Но сколько вам платит хозяин?

– Я сама себе хозяйка. Магазин мой.

Соседка не видела ничего постыдного в таком домашнем наряде. Она не проститутка, а хозяйка магазинчика, думал я. Просто так живёт. Ходит дома голой. Что в этом странного? Это не Советский Союз, Ваня. Надо привыкать к голландским нравам.

Вечером я увидел, как к ней пришёл бой-френд. Ким встретила его в коротком халатике, но Ян скинул его и немедленно принялся за дело. Соседка показывала невиданное для советского человека умение. Я взял видеокамеру и начал снимать. Через некоторое время Ким раскрыла глаза и увидела наставленный на неё объектив. Она подбежала к окну.

– Никакой съёмки! – она задёрнула занавеску...

На другой день я зашёл к ней в магазинчик, оказавшийся приятно пахнувшей барахолкой, и купил копеечный галстук, похожий на верёвку, и машинку «Самсон» для скручивания папиросок. Ким угостила меня дрянным голландским кофе, от которого меня тошнило, но я никогда от него не отказывался, чтобы не обижать хозяев.

С того дня наши отношения можно было называть добрососедскими. Я всегда мог спросить Ким, что и где можно

найти в Амстердаме, а городские новости и сплетни она вываливала на меня сама, стоило лишь выглянуть в окно. Соседка была для меня справочником и газетой.

Сейчас нагая Ким курила у окна и глазела на улицу. Голая грудь дерзко торчала над сложенными руками.

– Ким, привет! Худеморхен.

– Хай, Ваня.

– Мне нужна газета бесплатных объявлений.

Ким встала и принесла газету.

– Вот, лови!

Она швырнула мне газету, но та не долетела до моего окна и, рассыпаясь листами, рассеялась по улице. Это Ким не обескуражило. Она принесла вторую, свёрнутую в трубочку и перетянутую резинкой.

– Держи, Ваня!

Газета стукнула меня по носу. Следом в окно залетела ручка. Заварив кофе, я уселся у окна. Это была «Виа-Виа», популярное издание объявлений со всех концов страны. Машин были сотни, и разобраться в этом хаосе было непросто. Наконец, мой взгляд остановился на коротком резюме. «БМВ-525 инжектор. Цвет бордо. Кожа. Минимальный пробег. Отдаю только в хорошие руки. 10000 гульденов. Барт. Наймеген».

– Ким, сколько ехать поездом до Наймегена?

– Два часа. Это далеко, на немецкой границе. Я – в магазин. Заходи, что-нибудь купи.

Ким стала одеваться и прихорашиваться перед зеркалом, а я взялся за телефон.

– Менеер Барт? Худеморхен, я по объявлению. Автомобиль продан?

– Вы прочли, что продаю его в хорошие руки? – ответил густой голос.

– Да, менеер Барт, прочёл. Именно потому звоню.

– Я слышу арию Поллиона из «Нормы». Вы любите оперу? На каком канале трансляция? Хочу послушать... И зовите меня просто Барт.

– Это не трансляция, Барт. Это мой сосед, солист Стоперы, а сегодня там премьера.

– О, как жалко, что не могу приехать. А вы идёте на «Норму»?

– Я бы сходил, но занят с головой поиском приличной пятой «БМВ» с инжектором, цвета бордо и минимальным пробегом. Точно такую, как ваша.

– Что ж, раз так... Машина мне дорога, я её берёг. Состояние ажур... Я должен посмотреть на вас, но вечером на неделю уезжаю в Германию. Вы можете приехать до семи часов? Вам придётся пропустить Беллини...

– Да, я буду. А Беллини не убежит – он всегда в моём сердце. Как поётся в «Норме»: «Не решусь я никогда наш храм оставить...»

– Бог мой, вы поёте, словно Рубини, – похвалил меня Барт. – Приезжайте. Жду вас.

Что-то мне подсказывало, что это объявление для меня. Барта следовало убедить, что его машина попадает в хорошие руки. Я должен немедленно ехать в Наймеген.

Записав адрес, я начал собираться. Белая шёлковая сорочка и самый строгий тёмно-синий костюм... Оглядевшись в зеркале, я повязал приличный галстук в золоте с синим и довершили картину соломенной шляпой и тёмными очками «Диор» в черепаховой оправе. Ещё раз осмотревшись в зеркале, я сбежал вниз и зашёл к Ким...

В магазинчике Ким густо витал тяжёлый аромат парфюма. Слева по стене шёл ряд с поддельными дорогими джинсовыми марками, справа висело дамское барахло. Ким сидела за конторкой, закинув ноги на прилавок, и полировала ногти. За её спиной был стенд с разной мелочью.

– Хай, Ким. Как я выгляжу?

– Как настоящее дерьмо, Ваня. Это твой стиль. Видно, что приехал из провинции. Или из Советского Союза. Ни капли вкуса. Ужас... И зачем таких впускают в Схипхоль?

Она скорчила рожицу, затем подошла, сдёрнула с меня галстук и забросила его в мусорную корзину.

– Это «Диор», Ким...

– «Диор» на тебе словно седло на корове, – отрезала соседка. – Ужасный фасон.

Вильнув бёдрами, Ким скрылась в подсобке. Через миг она принесла оранжевый галстук, повязала его и толкнула меня к зеркалу. С этим галстуком я выглядел дерьмово, но

очень по-голландски. Я был сам себе противен.

– Вот сейчас ты красавчик. С тебя шестьдесят гульденов, – сказала Ким.

– Эта мерзкая оранжевая тряпка не стоит и гульдена, Ким. Вот, возьми четвертак по-соседски.

– Нет, Ваня. Цена шестьдесят. А по-соседски пятьдесят. И не благодари. Это в знак дружбы.

– Прима, Ким. Сейчас бери двадцать пять, остальное завтра. Мне надо переварить дикий голландский колорит.

– Может, в Ленинграде не поймут, но здесь все девицы твои. Как говорят голландцы – хоть чем-то ты будешь напоминать мужчину. Ха-ха-ха... Привыкай, Ваня.

– Худ, Ким. Позвони на вокзал и спроси время поезда в Наймеген.

Ким позвонила.

– Сегодня воскресенье, Ваня. На дороге ремонт, и поезда ходят с большими промежутками. Ближайший рейс через двадцать минут, а следующий вечером в семь.

– Ни одного рейса до вечера? Я успею на метро, Ким?

– Ваня, ты совсем не едешь подземкой? Наша станция уже месяц, как закрыта на ремонт.

– Боже, в первый раз мог проехаться в голландском метро, и такая незадача. А велосипед привязан у королевского дворца. Ким, вызови такси!

– Какое такси, Ваня? Лучше беги! Вокзал рядом, а наша улица не проезжая. Потому на такси доберёшься за полча-

са, а добежишь за пятнадцать минут. Ты беги через красные фонари. Успеешь, если не будешь глазеть на голых девиц в витринах. Вот... Полюбуйся, чтобы не отвлекаться...

Ким вывалила из выреза грудь, потрясла ею и вытолкала меня на улицу.

II.

Старая Верхняя улица с нашей стороны не проезжая, повсюду висят запрещающие знаки. Никогда не видел на ней машин, но сейчас за спиной резко завизжали тормоза. Я обернулся и в тот же миг уткнулся лицом в капот зелёного автомобиля.

За рулём сидел высокий худощавый голландец средних лет, спокойно, без тени беспокойства или тревоги смотревший на меня серыми, пронзительными глазами.

– Садитесь и едем, или отойдите с дороги, – невозмутимо промолвил он.

На шум выскочила Ким.

– Ваня, ты цел? Что стоишь столбом? Садись в авто! – закричала она.

– Спешка приводит к аварии. Куда отвезти вашего сынка, мифрау? – вежливо осведомился водитель. – В госпиталь?

– Идиот! Не остри, а во весь дух мчи к поезду до Наймегена. И попробуй не успеть!

Водитель открыл переднюю дверь, и я упал рядом с ним.

– Держите свои очки, – отрывисто сказал водитель и завёл

мотор.

Машина резко рванулась назад, и я ударился лицом о переднюю панель. Под звуки итальянской канцоны, рвущейся из колонок, мы лихо мчались задним ходом по узенькой Старой Верхней. Прохожие в панике отпрыгивали, а велосипедисты спешили к стенам домов. Вслед неслись проклятия, но сладкий голос из колонок заглушал их, превращая жестикуляцию прохожих в кинематографическую ленту.

Мы перескочили широкий мост через Кловенирбургвал и промчались задом ещё метров пятьдесят.

– Держите очки, – снова сказал водитель.

Он резко затормозил, затем влетел в узкий переулок у бывшего монастыря Марии из Вифании, разорвав тишину старинного уголка хриплым голосом итальянки. «Касабланка-касабланка...» несло из динамиков. «Касабланка, касабланка...» отдавались ухабы в моём теле.

– Вы мчитесь, словно от чумы! Сбросьте скорость, или мы не доедем до вокзала, – прокричал я сквозь музыку.

– Вы придерживайте очки и помалкивайте...

Водитель снова вдавил ногу в тормоз и резко вывернул влево, чуть не снеся стайку велосипедистов.

– Вас остановит полиция, и я ни за что не доберусь до вокзала, – снова закричал я.

Будто ожидая мой призыв, из-за угла выскочил полицейский, размахивавший руками.

– Держите очки!..

Машина замерла перед полицейским, словно вкопанная. Водитель достал из перчаточного отделения портмоне, вытащил из него пятидесятигульденовую купюру и неспешно свернул в трубочку. Чуть-чуть приспустив стекло, он сунул деньги полицейскому.

– Вот, возьмите. И отойдите с дороги, вы мешаете...

Он снова нажал на газ, и мы вылетели на канал в красных фонарях, полный толп туристов. Заслышав рёв и фыркание автомобиля, они рассыпались перед нами в стороны. Ещё раз крикнув об очках, водитель резко свернул и, перепрыгнув через ступеньки, взлетел на пешеходный мостик, вырулил на противоположную сторону, где промчался против движения и выскочил на оживлённый односторонний Зеedayк, ведущий к вокзалу.

Прибавив газу, мы змейкой понеслись навстречу плотному потоку машин, велосипедистов и туристов, непостижимым образом лавируя в этом столпотворении. Дома, витрины, пешеходы мелькали, словно в калейдоскопе. Вслед нам неслись проклятия. В конце Зеedayка перед нами снова возник полицейский. Водитель хладнокровно повторил трюк со свёрнутой купюрой.

Нам следовало пересечь оживлённую набережную принца Хендрика. Мой водитель не собирался ждать красного. Машина зафырчала, резко ускорилась и стрелой вонзилась в табун мчащихся железных коней. Я закрыл глаза. Проскочив

сквозь плотный поток машин, мы с воем вылетели на при- вокзальную площадь и резко остановились. С автобусных и трамвайных остановок на нас всю глазели окаменевшие от ужаса люди.

– Данкевел. Остановите. Здесь я выйду.

– Подождите. К поезду до Наймегена удобно выйти в се- верном крыле вокзала.

Взвыв мотором, мы понеслись по трамвайному пути, пе- репрыгнули через бордюр разделительного островка и за- мерли у стоянки такси. Канцона смолкла, и в опущенное ок- но ворвались звуки привокзальной жизни.

Полдюжины таксистов, сдёрнув с голов кепки и картузы, подбежали к нам.

– Хай, патрон! Что случилось? – нестройно приветство- вали они моего водителя.

Он вышел из машины и голосом, не допускающим возра- жения, распорядился:

– Ян, узнай, когда и с какой платформы отходит «интер- сити» до Наймегена. А ты, Вим, беги в кассу, возьми «ретур» и принеси к поезду.

– Патрон, поезда в Наймеген отменены. Ремонт пути у Амерсфорта.

– Я привёз клиента к рейсу, отходящему через пять ми- нут. Узнайте точно.

– Патрон, все рейсы до вечера отменены. Послушай...

От вокзала неся приятный женский голос:

– Уважаемые пассажиры! В связи с ремонтом путей скорый поезд до Наймегена в двенадцать часов девять минут отменяется. «Интерсити» до Наймегена отменяется... Приносим извинения за доставленные неудобства... Следующий рейс до Наймегена будет в семь часов девять минут...

– Извините, но поезда нет. Скажите своей мамочке, что я доставил вас вовремя.

– Она мне не мамочка. Просто соседка.

– Слава богу. Её палец в рот не клади, откусит по локоть. Может быть, отвезти вас в госпиталь? Но только не назад на Ватерлооплейн. Домой вас отвезёт такси, а вечером вернётся и доставит на вокзал. Знаете ли, не хочу встречаться с вашей соседкой. Какая-то дикарка...

– Чёртова голландская железка, – невольно взорвался я. – Мне нужно срочно быть в Наймегене и в семь уже отправиться назад. Только и слышно хвастовство о том, что голландские поезда ходят, как часы. Маленькая гордая нация! А чем вы гордитесь, если поезд вовсе не ходит? С полудня до семи ни единого рейса!.. А самолёта нет. Или ждёте, что помчусь на велосипеде?..

– Извините. Я никак не могу отвезти вас туда. У меня дела. Поезжайте сами. Бак полный, достаточно в оба конца.

Мой водитель бросил на капот связку ключей. Я взглянул на него. Он не шутил.

– И когда вернуть машину?

– Как вернётесь. Сзади написан номер телефона. Позво-

ните по нему.

– Где сзади? – не понял я.

– Протрите глаза и взгляните на задний номерной знак. Там номер телефона моего гаража.

– Ясно. Как вас зовут?

– Я Дирк. Я патрон.

– «Патрон»?

– Патрон это хозяин, – встрял один из таксистов. – Патрон это большой баас. Очень-очень большой.

Я сел в машину.

– Менеер Дирк, вам не интересно моё имя?

– Вовсе нет. Меня беспокоит, как вы доберётесь до Наймегена. Просто езжайте по делу и много не думайте. Автомобиль спортивный. Будьте осторожны, идите на третьей, этого будет достаточно. Выезжайте из города по Хаарлемской дороге, так быстрее. С Амстердамского кольца берите направление на «А2» до Утрехта. Там строят тоннель под центром города и кругом объезды, потому не пропустите поворот на «А12» – это дорога на Арнем. Если проскочите, то идите до Гельдермальсена и оттуда держите курс на Тиль по «А15». Не проспите Гельдермальсен, или вы уйдёте на другую сторону Ваала. Запомнили?

– А почему я просплю поворот?

– Тогда счастливого пути...

– Придерживай авто, или окажешься в Германии!.. – услышал я вслед. – Если пристанет полиция, то дай им полтин-

ник!..

Я не патрон и потому аккуратно выбрался на окружное амстердамское кольцо, принаравливаясь к автомобилю. Это была «Ланчия», я впервые сидел за рулём прославленной марки. Я много читал о том, что итальянцы изобрели цифровую приборную панель, и сейчас это чудо века мерцало передо мною зелёными, красными и чёрными строками. Я нажал на кнопку радио и быстро просканировал волны.

– Радио «Классика ФМ», – прохрипел женский голос.

Я чуть прокрутил настройку волны, и диктор продолжила с самой изысканной интонацией:

– Сегодня вечером Национальная опера представляет оперу выдающегося итальянского композитора Винченцо Беллини «Норма». Предлагаем вашему вниманию арию «Каста дива» в исполнении Марии Каллас...

«О, богиня! Взор твой ясный озаряет лес священный,
Обрати к нам лик прекрасный, нас улыбкой подари.
Укроти порыв мятежный и умерь пыл дерзновенный;
На земле мир безмятежный, как на небе, водвори...»

Вести автомобиль было удовольствием, но моя голова была занята предстоящей встречей с Бартом. Если мне удастся купить «БМВ», то поездка не только оправдается, но и станет финансовой основой для последующих. Надо позвонить Сереге и посоветоваться.

Заслушавшись Каллас и убаюканный ровным бегом машины, я не заметил, как проскочил поворот на Арнем. «Лан-

чия» неслась на третьей скорости, словно сумасшедшая, незаметно набирая сто восемьдесят, и только тогда становилась заметной скоростью. Я сбрасывал обороты, чтобы через пять минут снова видеть на спидометре сто восемьдесят, и вспомнил совет придерживать авто. Конечно же, таким и должен быть спортивный автомобиль. Но думал я не о том, хорошо ли иметь такую игрушку, а о том, как купить подержанный «БМВ», чтобы если не начать дело, то иметь возможность выезжать сюда.

Внезапно я увидел, что выскочил на мост через Ваал и понял, что поворот на Гельдермальсен тоже проспал. Съехав с трассы, я двинулся наугад в восточном направлении и через несколько километров оказался на развилке. Прямо передо мною был Маас.

Сделав круг по ротонде, я остановился у придорожного дома, во дворе которого два голландца грузили в прицеп свежесрубленные ветви.

– Худемиддах. У вас был шторм?

– Худемиддах, – отозвался старший. – Мы живём на сквозняке между Маасом и Ваалом. Здесь всегда коль не шторм, так ветер. Полста лет здесь живу – всегда дует. Хоть бы раз принесло сто гульденов...

– Зато вы пишите здоровьем. Пожалуйста, подскажите направление на Наймеген.

– Езжайте сюда, на восток, и через девять километров будет трасса «А2». Там направо, а перед Гельдермальсеном сле-

дуйте по «А15».

– Данкевел. Я только что оттуда. Не хотелось бы возвращаться.

– Тогда езжайте прямо на ост по «N322» до указателя на Тиль. Там переберётесь через Ваал и попадёте на «А15».

– Отец, зачем же пересекать Ваал? – вмешался второй голландец. – Это спортивный автомобиль, на нём проще и быстрее доехать по этой стороне. Менеер, всё время держитесь «N322» и через полчаса будете в Наймегене.

– Ехать большой дорогой – правильно жить. Нестись за коулками – что-то таить...

Многозначительно промолвив, старик с подозрением посмотрел на «Ланчию».

– Откуда у вас автомобиль? – спросил он. – Это ваш или чужой?

– Это машина друга. Я взял её на день сгонять в Наймеген.

– А кто ваш друг?

– Его телефон на заднем номере. Его имя Дирк. Если позвоните, то зовите патроном.

– Патроном? У моей жены ружьё и патронташ с патронами...

Старик вытащил из кармана блокнот и ручку и подошёл к «Ланчии».

– По этой дороге угнанные автомобили перегоняют в Германию, – пояснил его сын. – Скажите, ведь это «Дедра»?

– Что такое «дедра»? – переспросил я.

– Это новая модель «Ланчии», и её до сих пор нет в продаже. Нужно быть миллионером, чтобы иметь её. И давать покататься на день, – добавил парень.

– Я об этом не знал. Сел да поехал. Мне что «Дедра», что зебра – всё едино.

– Я видел «Дедру» только на фотоснимках. Можно посмотреть салон и мотор?

– Да, конечно. Вы любитель спортивных редкостей?

Парень кивнул и заглянул в салон машины.

– Это и есть та самая цифровая панель... Поразительно!.. – восхищению парня не было предела. – Вы не слушайте отца и следуйте строго по «N322». В самом конце дороги будет указатель на центр Наймегена.

– Ваш отец позвонит в полицию?

– Временами отец получает вознаграждение за помощь в розыске угнанных авто, но не думаю, что сейчас позвонит. Это не тот случай. Ведь угонщики не слушают «Классику ФМ».

Из колонок всё ещё пела Каллас, и я тронулся в указанном направлении. Узкая дорога несла меня между двумя великими реками, о которых я много читал. По Ваалу шли большие корабли и баржи, груженные песком, грунтом и камнями – то голландцы занимались извечным делом отвоевания земли у моря. Изю дня в день, из года в год, из века в век они насыпали землю, по клочку увеличивая свою жизненную территорию. Этот труд был бы похож на сизифов, но я мчался

по цветущему рукотворному краю. Справа и слева были ухоженные поля, разбитые на правильные наделы. И этот плодородный грунт тоже был насыпан поверх болот и камня.

Я мчался среди сельского рая и думал о патроне. Он был для меня загадкой. Кто же он, простой на вид, но властный характером? Имеющий дорогой спортивный автомобиль и без колебания отдавший его незнакомцу? Ведь «Ланчия» только появилась, но не поступила в продажу. Хозяин по-голландски «баас», а патрон это итальянское слово. Дирк явно имеет отношение к Италии, думал я. Или он поклонник итальянского стиля? Судя по фигуре, он спортсмен. Гонщик? Чемпион?

Через полчаса я увидел указатель на центр Наймегена, там быстро сориентировался и нашёл дом Барта. Было полтретьего.

Барт оказался толстым седовласым джентльменом. Поздоровавшись, он пригласил меня в дом.

– Вы третий покупатель и мне уже нравитесь, – сразу же сказал Барт. – Всё, кроме галстука, прилично. С таким галстуком в оперу не пойдёшь, но его можно снять. Выбросьте его в мусорный бак, а я подарю вам другой. Тогда считайте, что «пятёрка» ваша. Я переоденусь, и мы прокатимся на моей старушке, чтобы оценить её. И споём Беллини.

С этими словами он оставил меня на попечении жены, приятной сероглазой дамы.

– Вы откуда? – спросила она.

– Из Ленинграда. Из Советского Союза. Из Русланда, – уточнил я, зная о том, что голландцы не сильны в географии.

Хозяйка рассмеялась и внезапно затараторила на хорошем русском.

– Неужели из Русланда? А ведь мы с Бартом четверть века прожили в Ленинграде. Мы даже там встретились и женились. Вы же знаете «Совморфрахт»?

– Да, конечно же, знаю. Это наш морской монстр.

– Барт был представителем голландских стивидоров, а я работала в консульстве. А женились мы в ЗАГСе на Английской набережной. Это было дёшево, стоило всего лишь три рубля. Барт, Барт, – закричала она, – наш гость из Ленинграда!

– Очень приятно, – сказал я. – Тогда попросите Барта сделать мне скидку. Вы же знаете, как это важно для русского. Скидку в пятьсот гульденов, или даже тысячу.

– Барт, сделай нашему русскому гостю скидку! Возьми на тысячу пятьсот меньше! – со смехом прокричала хозяйка. – А я угощу вас блинчиками по-русски.

– Данкевел, мифрау. Блинчики это то, чего здесь не хватает.

– Зовите меня просто Анной. У нас принято без церемоний. Мы пять лет на пенсии. Как только вышли на отдых и уехали, так у вас произошла перестройка. Невозможно представить ваши перемены. Хотели бы съездить и посмотреть, но не знаем как.

– Я Иван. Посетить Союз сейчас просто. Я пришлю приглашение. Где вы жили в Ленинграде?

– Мы снимали небольшую уютную квартиру в Конюшенном переулке, рядом с консульством.

– Сейчас там ужасная разруха, Анна. Все дома облезли и осыпаются, балконы падают на голову, а дорога и тротуар в ухабах. Зимой не пробраться.словно в блокаду.

– Ну это не страшно. Русские обязательно возродят своё величие. Ваш народ крепкий. Ленинград прошёл через блокаду, и память этого сильна.

– Данкевел, Анна. А я живу совсем недалеко, на Караванной.

– На Караванной? Ах, какой там кинотеатр! Вы, конечно, были там?

– У нас два кинотеатра. «Родина» и «Аврора».

– О, «Аврора»! Это словно бы музей. Там чудесные пирожные бизе. И ведь там подрабатывал тапером Прокофьев?

– Да, Анна. А Шостакович в «Родине».

– Ленинград незабываем. Там на каждом шагу какое-то открытие. Что вы любите в своём городе больше всего?

– Всё. Особенно белые ночи и Летний сад. Пушкинская строфа «И в Летний сад гулять водил» по-особому отзывается в душе каждого ленинградца...

В комнату вошёл Барт. Он бросил мне узкий синий галстук.

– Вот ваш новый галстук, Иван. Серебряно-голубой с ли-

ловыми цветами. Наймеген это город цветов, и вы приобретёте респектабельный вид. Без столичных закидонов... Пахнет жареным луком. Что происходит, Анна? Чем вы занимаетесь с гостем?

– Хочу угостить Ивана блинчиками. Ты же знаешь, что русские закатывают в блины фарш с луком. Нужно много лука.

– Значит, тест «пятёрки» откладывается. Так вы из Ленинграда? Удивительно. Ведь я уже хотел отключить телефон и не отвечать на звонки. С утра был вал звонков. Словно бы вся Голландия решила купить мою старушку.

– Зачем же вы дали объявление?

– Это не я дал. Дочь решила избавиться от старого автомобиля и забрать деньги на свои нужды. Я очень удивился, когда утром начали без конца звонить. «Пятёрка», вроде бы, старая и не нужна, да продавать жалко. Словно родная, словно часть души. Вам я продам её, ведь вы пожертвовали оперой, чтобы приехать за ней...

– Барт, если вы держали свою «БМВ» в Ленинграде, тогда она вернётся на Невский.

– Да, Иван, последние два года мы держали её там. На ночь приходилось ставить перед консульством.

– Значит, вашей машине лет семь?

– Да. А пробег пятьдесят тысяч.

Итак, мы уселись за блины. Барт был коммунистом. Компартия Нидерландов то крепла, то распадалась, временами

её запрещали, а за членство в ней сажали. Узнав, что мой отец был делегатом съезда КПСС, хозяева стали считать меня наполовину родственником. За разговором было решено, что восьмого утром я приезжаю на поезде в Наймеген, где Барт будет ждать меня с оформленными бумагами, и я отправляюсь домой.

Затем мы с Бартом осмотрели машину. Она была в идеальном состоянии. На лобовом стекле красовалась небольшая наклейка с изображением Медного всадника и надписью «Leningrad».

Втроём мы проехали на «БМВ» по старинному городу. Барт насвистывал и напевал арии из «Нормы»:

«Рассейтесь все, о, друиды, по холмам лесистым,
и ждите появления луны на небе чистом.

Пусть первую улыбку божественного лика
удары в щит священный нам тотчас возвестят,
удары в щит священный нам тотчас возвестят...»

Мы с Анной вторили ему:

«Бог грозный!

Вдохнови её, дай смыть пятно позора:

о, Ирминсуль, вдохни в неё ты гнев и жажду мщенья,
о, пусть твои веленья мир жалкий прекратят...»

– Больше чувства! – кричал нам Барт. – Ведь Беллини пометил: «петь с диким фанатизмом...»

Чтобы сделать приятное новым друзьям, я вспомнил анекдот о том, как в Наймегене хозяин постоялого двора

взял с царя Петра сто золотых флоринов за ночлег и ужин.

— За яйца всмятку, сыр, масло и две бутылки вина, — зашмеялись Барт с Анной. — Здесь это популярно. Конечно, мы ревнуем к славе Заандама, но у Наймегена есть свои козыри...

III.

Перед отъездом я позвонил Дирку.

— Патрона нет. Я Марио, директор гаража, — услышал я на другом конце провода.

— Я Иван. Хочу узнать, когда пригнать «Дедру».

— Патрон сказал — как вернётесь. Он будет утром в десять.

Пригоните утром...

Марио положил трубку.

У меня была хорошая машина и свободное время. Я попрощался с Бертом и Анной и пустился в обратный путь. Заправив бак, я поехал в Девентер, затем в Гронинген и вернулся в Амстердам за полночь, въехав в город с юга. Покрутившись на пустынных улицах, я выскочил на Музейную площадь, где силы покинули меня.

Я подъехал к советскому постпредству, чуть приоткрыл стекло и провалился в сон. Разбудил меня стук в стекло. Было без четверти шесть. Дама в полицейской форме барабанила дубинкой по лобовому стеклу. Второй полицейский, высокий мужчина с рацией в руке, стоял поодаль. Увидев, что я проснулся, дама с дубинкой промолвила:

– Выйдите из машины и предъявите документы.

– Что случилось? Вы кто? – спросил я и поднял стекло.

– Я полицейский агент Фелтсма, – представилась дама. –

Вы можете предъявить водительское удостоверение?

Я показал свою карточку через стекло и закрыл глаза, всем видом давая знать, что она меня отвлекает. Но агент Фелтсма не отставала. Она снова забарабанила по стеклу.

– У вас есть документы на машину?

Для виду я порылся в перчаточном отделе и затем ответил:

– Документов нет. «Ланчия» друга. Зовут его Дирк. Он патрон. Номер телефона на задней табличке. Позвоните. И не стучите палкой по стеклу – вы мешаете слушать концерт!..

Я громко включил «Классику ФМ», отвернулся и снова закрыл глаза. Через пару минут сквозь веки я увидел, как подъехал полицейский автомобиль и припарковался вприценку справа, заблокировав пассажирскую дверь. Прибывшие вышли и присоединились к Фелтсме и её напарнику.

Я всё ещё хотел спать, и внимание полиции, хоть понятное мне, раздражало. Через некоторое время Фелтсма подошла опять. В этот раз она не стучала дубинкой, а легонько поцарапалась в окно.

– Где вы живёте? – прокричала она сквозь музыку.

– На Старой Верхней улице возле Ватерлооплейн.

– Назовите номер дома и езжайте за полицейским автомобилем. Он покажет дорогу.

– Зачем, мифрау Фелтсма? Мне нужно советское представительство и я жду его открытие.

– Оно откроется в десять часов.

– Я знаю. Я подожду здесь. Что вам нужно? Я что-либо нарушаю?

– Вы нарушаете правила пребывания в Нидерландах. У нас нельзя спать в автомобиле.

– Я этого не знал. Всегда думал, что Голландия свободная страна, и государство с полицией не вмешиваются в частную жизнь.

– Поймите, вы находитесь в особо охраняемом районе. Рядом с советским представительством находится американское консульство. Здесь же австрийцы, немцы...

– Мне не нужны ни американцы, ни немцы. Я жду открытия советского государственного учреждения. А затем иду в оперу. Конечно же, вчера вы уже сходили на «Норму», а я всё ещё нет, потому сломя голову мчался на Беллини от самого Наймегена. И теперь полиция мешает мне отдохнуть. Если нарушил правила – отправьте штраф патрону. Если ваше требование незаконное, то возьмите пятьдесят гульденов и оставьте меня в покое!..

Я вытащил из бумажника купюру и свернул её в трубочку.

– Вот, возьмите! Это от патрона. Он сказал, что так принято. Я не в обиде...

– Немедленно уберите деньги! – закричала Фелтсма. – Или я задержу вас за подкуп должностного лица.

– Приятно встретить неподкупного полицейского, мифрау Фелтсма... Вы любите Беллини?

«Бог грозный!

Вдохнови её, дай смыть пятно позора:

о, Ирминсуль, вдохни в неё ты гнев и жажду мщенья,

о, пусть твои веленья мир жалкий прекратят...»

Пропев с диким фанатизмом, я снова поднял стекло, прибавил радио и закрыл глаза. Видимо, номер Дирка оказал магическое воздействие на агента Фелтсму и её коллег, и больше они не беспокоили меня. Хорошо быть патроном, подумал я ...

Проснулся я без четверти десять. По радио какой-то оперный знаток взхлёб восхищался румынкой Нелли Миричиу и чуть не плакал, вспоминая об амстердамском провале голландской оперной дивы Кристины Дютеком в заветной партии Нормы. Полицейский автомобиль так и стоял борт о борт со мной, а его водитель бесстрастно наблюдал за моим пробуждением. Второй полицейский стоял перед «Дедрой» и что-то говорил любопытствующим, указывая на меня жезлом. Любопытствующими были прибывшие на работу наши и американцы, паркующие свои машины. Я помахал им и вылез наружу. Поздоровавшись с полицейским, я подошёл к воротам постпредства и нажал звонок.

– Что вам нужно? Чем могу помочь? – жутко на голландском прогудел домофон.

– Можно от вас позвонить по телефону? Я гражданин

СССР.

– Очень приятно, – расцвёл домофон. – Добро пожаловать в Амстердам. Позвонить можно с уличного таксофона. Посмотрите справа от себя у концертного зала или слева у Райксмузея.

– Скажите, у вас есть телефонный справочник? Мне нужен адрес гаража «Хеллема». Могу сообщить номер телефона.

– Название известное. Подождите минуту.

– Жду во всю мочь девятую ночь...

Я закурил. Полицейские с любопытством наблюдали за мною. На их лицах не было ни тени недоброжелательности. Нормальные парни, одетые в форму.

Через пять минут дверь постпредства открылась. Крыльца сошёл полный мужчина в обычном, не представительском костюме. В руках он вертел кубик Рубика.

– Адрес Уландсграхт, 13. Продажа, сервис и тюнинг итальянских марок «Фиат», «Альфа Ромео» и «Ланчия». Улицу найти очень просто – это большой популярный туристический бульвар, там рынок антиквариата. Это ваша «Ланчия»?

– Пока моя. Отгоняю в «Хеллему».

Он отомкнул калитку и вышел. Мы подошли к «Дедре».

– Все говорят, что это новая модель, и в Голландии её нет, – сказал я.

– Здесь одна такая, очень приметная. Я вижу её в городе. За рулём сидит магнат.

– Магнат?

– Да. Магнат Хеллема. Он продаёт итальянские марки. К нам иногда обращаются с просьбой найти к нему подход. Наши перекупщики.

– Вы его знаете?

– Нет. Если эта итальянка продаётся, то сообщите мне. Куплю ради цифровой панели – таких больше нет. Меня зовут дядей Сашей.

Похлопав по капоту «Дедры», дядя Саша вернулся на дипломатическую службу решать ребус Рубика, а я попросил полицейских отъехать, завёл мотор и тронулся. Полиция последовала следом. Через пять минут я стоял у «Хеллемы» и весело сигналил.

Из гаража вышел полный бородатый итальянец в синем комбинезоне.

– Худеморхен, Марио! – поприветствовал я. – Машина шикарная. Водить её восторг. Один недостаток – мчится, словно стрела.

– Полиция останавливала?

– Нет. Я же не патрон и вожу аккуратно. Под оперные арии...

Я крутанул ручку громкости.

– Мама миа, что вы слушаете? – поморщился Марио.

– Это «Классика ФМ». Люблю итальянскую оперу, извините. Где Дирк?

– Патрон завтракает в кафе напротив.

Марио взял ключи, выключил радио и начал загонять «Дедру» в гараж, а я пересёк бульвар с липами и вошёл в кафе под вывеской «Каса бьянка. Траттория. Кафе. Пиво», где в глубине зала несколько местных завсегдатаев пили пиво и дёргали за ручку однорукого бандита.

Дирк сидел у раскрытого настежь окна. Наконец-то я мог хорошо рассмотреть патрона. Это был атлет с открытым привлекательным лицом, высокий, светловолосый, коротко стриженный. Он мог бы заниматься любым видом спорта и везде праздновать успех. Одет Дирк был просто и неброско, в коричневую кожаную куртку, из-под которой сияла белизной шёлковая сорочка. Перед ним стоял фужер с коньяком, обеими руками он держал длинный багет, нафаршированный ветчиной, сыром и зеленью.

– Худеморхен, Дирк. Беданкт за авто. Никогда не ездил на таком. Чувство лёгкости и невесомости на трассе незабываемое.

– Вы сделали свои дела?

– Да, Дирк. Хротеданк. В полтретьего я был в Наймегене.

– Долго добирались. Вы сообщили соседке, что я доставил вас в срок?

– Ещё нет. Похоже, вы испугались её. Это забавно, Дирк.

– О чём вы? Я никого не боюсь. В этом городе никто не кричит на меня.

– Не сердитесь на неё. К ней надо привыкнуть, и тогда она милая девушка.

- Я вчера ломал голову, почему вы спешили в Наймеген. На встречу с девушкой?
- Почему так решили?
- Вы одеты, словно жених.
- Я всегда так одет. Я из Советского Союза, из Ленинграда. Мы все ходим в костюмах при галстуках.
- Значит вы из Советов? Я знал ваших шоссейников, соревновался с ними. Даже помню имена, хоть они дьявольски трудные. Быков и Москвин...
- И Колюшев с Вуколовым. Значит, вы велогонщик?
- Да, но гонял давно. А ваши парни очень гордые.
- Почему?
- Им предлагали сменить флаг и гонять за немцев и итальянцев. И мы предлагали большие деньги. Они отказались. Вы тоже патриот? Вас зовут Иван?
- Да, я Иван. И, наверное, патриот.
- Зачем же вы здесь?
- Я историк, учу вашу страну. Учю язык, традиции, культуру.
- И вернётесь назад?
- Да. В воскресенье еду в Наймеген. Там должны быть готовы документы на пятую «БМВ». На ней и тронусь.
- Так вы ездили покупать машину? Почему? Мой гараж полон автомобилей.
- Вчера я этого не знал, Дирк. И купил не для себя. Отгоню домой, перепродам и вернусь. Говорят, что многие так

делают.

– Тогда держитесь меня. В моём гараже всегда можно подобрать нужный автомобиль. Вы голодны? Что вы будете есть?

– Такой же багет, как вы, и стакан молока. Данкевел.

– Ян, тащи пистолет! И молоко! – крикнул Дирк.

– Патрон, у нас нет молока, – высунулся из задней двери парень в белом фартуке.

– Пошли кого-нибудь!

Из-за дальнего стола вскочила татуированная девица и выбежала прочь.

– Вы пьёте только молоко? – спросил меня Дирк.

– Сейчас утро, самое время для молока. А будет с вами дело – напьемся в смерть.

У кафе резко остановился открытый спортивный «Мерседес». Из него неспешно вышла длинноногая блондинка. Она открыла дверцу малышу, забежавшему в кафе и бросившемуся на руки к Дирку, затем вошла следом.

– Па! – закричал малыш.

– Это мой сын Йентл. Это моя женщина Эллен, – представил их Дирк. – Не чета вашей соседке. Моя женщина не лаает.

Эллен подошла к нему, поцеловала в щёку и уселась за столик у стены, вытащив из сумки спицы с вязанием. Она была великолепна. Странно было видеть эту со вкусом одетую молодую женщину, словно бы сошедшую со страниц модного журнала, со спицами в руках в этом простеньком,

хоть и чистом кафе.

– Ваша Эллен чудо, Дирк. Давно не видел наяву столь красивой женщины. Ей бы на конкурс красоты.

– Тут вы правы, Иван. Она «Мисс Голландии».

Эллен спокойно вязала, не вмешиваясь в разговор и, словно бы, даже не вслушиваясь в него. Малыш ёрзал на руках отца, и было в этом что-то необычное, из каких-то далёких времён или далёких стран. Мне не хотелось быть участником чужого счастья, и я начал собираться.

– А молоко? Иван, вы не можете просто так уйти. В первый раз в моём кафе потребовали молоко, и его не оказалось. Прошу вас, подождите минуту.

– Это кафе тоже ваше, Дирк?

– Здесь всё моё, – ответил он, и в этих словах чувствовалось нечто-то большее, чем кафе и гараж напротив.

В этот миг вбежала татуированная девица с двумя молочными бутылками.

– Свежие заанские фоллемелк и карнемелк, – сказал Дирк. – Что вам, Иван?

– А в чём разница, Дирк?

Дирк засмеялся.

– Эллен, забавно, но рюс не знает разницы между фоллемелком и карнемелком.

Королева подняла на Дирка огромные голубые глаза.

– Ты не смейся, а объясни, – кротко бросила она и снова уткнулась в вязание.

– «Фоллемелк» это жирное молоко. А «карнемелк» это...

Вы лучше попробуйте.

Он налил густой карнемелк в высокий тонкий стакан для колы.

– Что-то вроде кефира, – сказал я, попробовав.

– Вот именно, карнемелк это кефир. Но лучший кефир в Италии! – засмеялся Дирк.

– Видимо, вы гоняли только в Италии, Дирк. Кефир, как и йогурт, греческий продукт, и лучше греков никто его делает.

– Разве греческий?

– Дирк, слушай, что говорит образованный человек. Он знает, – подняла на глаза на Дирка Эллен.

– Он всё знает? Сейчас проверю. Кто сейчас лучший шоссейник у Советов?

– Марат Ганеев или Евгений Берзин.

– Верно, Иван. А про кефир я не знал. Надо вместе поехать в Грецию и сравнить.

– Дирк, беданкт за завтрак. И за «Дедру». Приятно познакомиться. Пусть мир и спокойствие царит в вашем доме.

Я встал. Дирк последовал моему примеру.

– Иван, если будете искать битые машины, то всегда найдёте их в моём гараже.

– Данкевел. Возможно, в конце года я вернусь.

Дирк крепко сжал мою руку, и я вышел из «Каса бьянки».

Вернувшись к себе, я набрал Портоса. Он ждал моего

звонка.

– Брат, ты как? Ваня, ты уже нашёл тачку? У тебя же всё делается само собою...

– Да, Портос, представь себе, нашёл «пятёрку» цвета бордо. Пробег пятьдесят, салон кожа, спортивный штурвал, затенённые стёкла. Продаёт её голландец, работавший у нас в Союзе. Я оставил ему фотокопию паспорта. Бумаги он оформит.

– Ваня, ура! Это же мечта! Выбрось свои книжки! Ведь ты рождён для автобизнеса! И мы с тобою уделаем всех автоперегонщиков! А когда тебя ждать?

– Портос, я выеду восьмого вечером, на следующий день заберу машину и буду в Берлине, а десятого жди меня в Бресте. Это будет вторник, и очередь должна быть небольшой. Только не приезжай на «Запоре». Он жутко воняет и кренится на бок.

– Не волнуйся, Ваня, и я буду не один, а приеду с бойцами на форсированной «трёшке». В паре мы так быстро отскочим, что у всех бандитов в Бресте отвалятся челюсти.

– Планируй это сам, Портос. Твоя банда меня не интересует, а брестская подавно. Я своё дело сделаю, как пересеку границу.

– Ты молоток, Ваня. Слушай, а есть что-то на перспективу?

– Ты о чём, Портос?

– О следующем заходе. У твоего голландца есть ещё

«БМВ»?

– Это частник, Портос, пенсионер, а не гараж. Но на следующий раз есть итальянский гараж.

– Где, неужели в Италии? У тебя есть и итальянская виза?

– Нет, Портос. Итальянский гараж в Амстердаме. «Фиат», «Альфа» и «Ланчия».

– Ваня, ты не шутишь?

– Нет, Портос. Приеду – поговорим.

– Ваня, говорить надо сейчас, чтобы подготовиться. Сможешь взять две «Альфы»?

– Хоть десять, хоть двадцать. Портос, ты успокойся, никуда они не денутся.

– «Итальянки» лучше, чем «немки», – затараторил Портос. – «Бэхи» берут бандиты, но много за них не дадут. А на «итальянок» упадут бизнесмены.

– Портос, не закатывай глаза раньше времени. Ты встреть меня, а потом поговорим о будущем. Хорошо? Давай, брат. Я только вернулся, ездил далеко. Ложусь спать.

– Спи! Ваня, ты молодец! А я пойду и крепко напьюсь! «Альфы» моя мечта!.. Я Мишка – не пью лишка...

Положив трубку, я подошёл к окну. Нагая Ким курила в кресле, выставив наружу голые пятки.

– Ваня, ты живой? Ты когда вернулся? Я всю ночь пялилась на твоё окно. Думала, что эти бандиты увезли тебя в тихое место и там прикончили.

– Ким, какие бандиты? Водитель домчал меня за пять ми-

нут, так ты напугала его.

– Ха! Для того и орала.

– А как ты сама? Много продала вчера?

– Нет, совсем ничего. У меня было отвратительное настроение. Пришёл какой-то итальянец, похожий на мясника и целый час рассматривал каждый предмет. Я не выдержала и спросила, что ему нужно. Он лишь хмыкнул и продолжил осмотр.

– Кудрявый? Бородатый? С животиком? Лет пятидесяти?

– Да. Ты его знаешь?

– Это был Марио. Ким, не беспокойся. Приходил человек, чтобы прицениться, хотел что-то купить.

– Он ничего не купил, только всё облазил. Это итальянский синдикат, Ваня. С такими типами надо держать ухо востро.

– Ким, ты о чём? Откуда здесь итальянская мафия? Наш чудесный итальянский друг Энцо поёт в Стопере... Голландия мирная страна. Мы вас называем «страной непуганых идиотов». Ты бы недолго пожила в Ленинграде, тогда поняла, что здесь курорт.

– Я живу у себя дома и к вам не хочу. И не хочу, чтобы подозрительные типы лазили по моим полкам. А Энцо давно мне надоел: с раннего утра воеет, словно от зубной боли...

– Ким, но тебе же нужны продажи? Ты ведь ждёшь туристов?

– Энцо не турист. И этот Марио тоже. Они здесь живут и

говорят по-голландски.

– Может быть, Марио хочет устроить паломничество итальянских туристов в твою лавку? Откуда ты знаешь? Он выглядит, как мясник, но в душе добрый малый.

– Ваня, это правда? Ты скажи Марио, если итальянцы будут толпами покупать у меня, то я отдам ему десять процентов.

Ким потрясла грудью. Она дала обет, подумал я. Уж такая весёлая соседка...

– Не трясись перед ним грудью, Ким. Разорвёт на части.

– Пусть разорвёт, если бизнес пойдёт.

– Прима, Ким. Данкевел за то, что вчера вызвала мне такси. На нём я доехал до Наймегена.

Мы рассмеялись. Ким закурила новую сигарету и снова выставила пятки на подоконник.

IV.

Я набрал Серёгу. Он тоже ждал меня и сейчас заорал, словно бы я был в космосе.

– Иван, дружище! Куда же ты провалился? Две недели жду твоего звонка. Без тебя мне конец. Выручай.

– Серёга, что с тобой? Надо срочно вернуть пять тысяч?

– Нет, Иван! Совсем нет! Наоборот, я хочу дать тебе денег!...

– Ты с ума сошёл. Серёга, ты подожди неделю. Ведь я скоро вернусь.

– Иван, не валяй ваныку, а послушай. Мне надо срочно дать тебе деньги, пока ты в Амстердаме. Чтобы ты успел что-нибудь купить.

– Понял. Хотя ничего не понял. Серёга, какие деньги? Что купить?

– У меня застряли сто тысяч. Банковский кредит. Или я срочно что-то покупаю, и кредитный договор действует полгода, или послезавтра возвращаю деньги назад.

– Серёга, я не пойму твою арифметику. Объясни мне, сто тысяч чего? Тугриков?

– Долларов, Иван! Баксов! Гринов! Хрустящих зелёных бумажек!..

– Ясно. А что я буду делать с ними? Любоваться? Или должен обклеить ими свою комнатку?

– Что-нибудь купи на них, Иван. И оформи транспортировку сюда. С такими деньжищами для тебя это будет раз плюнуть. Ты же голова!

– Голова это да. Мне всё ясно, как божий день, Серёга. Нужно найти сахар, «Мальборо» и прочее. А как я получу деньги? Ты об этом подумал?

– Ваня, а вот это не твоё дело. Тебе нужно срочно, то есть сегодня, прислать мне факс с предложением своего товара. Стоимость товара и логистика должны быть равны ста тысячам. Включая твои расходы и агентский гонорар. Написать такую бумажку для тебя – раз плюнуть.

– Серёга, ты сидишь в Ленинграде на бешенных бабках

и тупеешь от этой кучи. Понимаешь, что говоришь, или не совсем? Я ведь в Амстердаме, а не у Гостиного на Невском. Ведь это сто тысяч зелёненьких. Наверное, целый чемодан.

– Я знаю, что говорю, Иван. Я знаю, что у тебя есть мозги. Натренированные чтением мозги. Ты же настоящий Спиноза! Продиктуй реквизиты счёта и займись делом.

– Слушай, Серёга, а итальянские тачки подойдут?

– Итальянские? «Фиаты»? Сколько?

– Не только «Фиаты». «Альфа» и «Ланчия» тоже. На сто можно десять или больше. Надо побегать.

– Ваня, «Ланчию» у нас не знают, а «Фиаты» никому не нужны. Можно одну-две «Альфы». Твинспарки. Всё же модная марка, для пижонов.

– Что такое «твинспарки»?

– Со сдвоенными свечками. Нужны только красные. Так и спрашивай – нужен цвет «маранелло». На остальные бабки бери только «бэхи», и ничего другого.

– Зачем тебе «бэхи»? Их берут только бандюганы, которые денег тебе не заплатят. Кинут тебя, как дитя. Я буду смотреть «Альфы».

– Слушай меня, друг Ваня, и включись. Сейчас мне нужен оборот, а не прибыль. Прибыль оставим на потом, на следующий раз. Бери, что говорю. Друг Ванька, ты усёк?

– Нет, не усёк. Здесь мозг работает по-иному.

– Так включи его по-нашему. Ну и балда ты, Ваня... Сейчас мне важно взять товар и быстро его скинуть. Потому бе-

ри «бэхи». И можно пару «Альф» в довесок.

– Серёга, балда так балда, но всё это как обухом по голове. Дай время подумать. Картинка международного бизнеса красивая, но мне чуть страшновато.

– Иван, ты интеллигент. Ты очкарик в шляпе! Ты совсем не игрок. Именно такие загубили страну. Вы всё развалили. Ваня, нечего думать. У нас времени неделя.

– А если деньги не придут до моего отъезда? Ведь у меня только неделя, пять рабочих дней. Ты об этом думал? И как я оформлю сто тысяч? Что я скажу голландцам? Сейчас у меня на счете тысяча гульденов и пять тысяч долларов. И вдруг – бац – падает стольник.

– Они будут рады, Иван. Они расцелуют тебя в обе щёки. Все любят деньги. Доллар везде царь и бог. Даже папа римский держит доллары под матрасом. Скажи своим голландцам, что через месяц будет ещё сотня. А не понравится, так пусть отошлют назад.

– Папа римский не голландец. Поляк он. Нет, Серёга, мне нужно подумать. Вечером позвоню.

Я положил трубку. Мир вмиг изменился. Он словно встал на дыбы, и чтобы удержаться на ногах, следовало пройтись на свежем воздухе.

– Ваня, ты выглядишь покойником! – закричала Ким, увидев меня. – Может быть, вчера ты сильно ударился головой? Я вызову скорую.

– Ким, не нужно скорую. Со мною порядок. Ты лучше ска-

жи, что сделала бы, если у твоего друга была сотня тысяч долларов?

— Я бы его выгнала. Вышвырнула бы из дома. Спустила бы с трапа. Или в окно.

— Тебе не нужны деньги?

— Деньги всегда нужны, но человек с денежным мешком — нет. Богачи это неприятные типы, у них иные ценности. Не вздумай сказать, что у тебя есть сто тысяч.

— В том-то дело, что нет. Я пройдусь, Ким. Вчера устал.

Ким помахала рукой и занялась прихорашиванием к рабочему дню.

Я набрал гараж.

— Марио, это снова русский Иван. Мне нужен патрон. Он на месте?

— Будет через полчаса.

— Отлично, Марио. Буду к этому времени.

Я снова приоделся, повязал на шею «Диор» и скрыл глаза тёмными очками. Затем сунул пачку писчей бумаги в чёрный тонкий кожаный портфель и вышел.

Я отправился на Дам, но через сто метров меня окликнули:

— Джанни! Джанни, амичо руссо!..

Это был Энцо, сидевший у распахнутого настежь окна кафе «Де Поол». Лицо его светилось радостью, узел галстука был распушен. Помахав в ответ, я зашёл в кафе.

— Вива Беллини! Как прошла премьера, Энцо? Не сорвал

свой чудесный голос на радость Ким?

Энцо вскочил и запел высоким голосом, размахивая бокалом с вином:

«Что ж, моей жертвой кровью, всю до капли, что есть в жилах,

Всю отдам я – но любовью я пожертвовать не в силах...

Выпить вместе обещала, сердце Ким мне отдала...

Ах, теперь каким страданием, жизнь мою ты обрекла...»

– Браво, браво, амичо Энцо!.. Но ты извратил текст. Слишком вольная трактовка. Ты много выпил на радостях?

– О, Джанни! Это лишь для тебя, амичо. Почему ты не пришёл на «Норму», ведь я оставил для тебя билет? Это было наслаждение!.. О, только ты оценил бы мою арию! Ты, с твоим изысканным вкусом... И ты много потерял!

– Спасибо за добрые слова, Энцо. Верю, что ты пел прекрасно, но я был в Наймегене. Поздравляю тебя, амичо.

– Ты выпьешь со мною? Сегодня я угощаю всех! Эй, бармен! Есть водка?.. Мой лучший друг русский! Мы выпьем за божественного Беллини!..

– Спасибо, Энцо, но я иду в банк. Давай обмоем премьеру позже?

– Позже так позже, Джанни. Ты серьёзный человек, и бьюсь об заклад – в банке держишь сто тысяч долларов.

– Ну что ты, Энцо. Какие сто тысяч у советского человека?

– Да-да, ты прав, Джанни. Откуда деньги у камарадо руссо? Чао!..

Мы похлопали друг друга по плечу, и я продолжил путь на Дам. Вслед мне неся отчаянный звенящий голос соседа: «Уходи... Забудь, презренный, клятвы все и уверенья. Знай: в любви той нечестивой ты найдёшь одни мученья. Волны моря, ветер прибрежный к вам снесут мой пыл мятежный,

День и ночь мои проклятья мир ваш станут нарушать...»

В две минуты я достиг Дама, где справа от королевского дворца был мой банк. Вывеску банка дополнял броский девиз: «Создавая больше возможностей».

Я показал свою банковскую карту, и меня попросили в отдельную комнату. Через минуту-другую ко мне вышел управляющий моим счётом Херт, мой ровесник.

– Приятно снова видеть вас в Амстердаме, – приветствовал он меня.

– Я здесь давно, Херт, и скоро уезжаю. Мне нужны совет и помощь.

– Будьте уверены, я сделаю всё, что будет в моих силах. Мой дядя, старый лоцман, любит старый анекдот: «Любая мелочь поможет сохранить груз», сказал шкипер и выбросил свою жену за борт...» Вам чашечку кофе или чая?

– Чудесный солёный юмор, Херт, но не стоит выбрасывать людей за борт. Особенно женщин. Я заглянул ненадолго. Мой счёт открыт в прошлом году и до сих пор на нём болтаются случайные, карманные деньги. На днях я жду поступление значительной суммы.

– Вам известна дата поступления?

– Дата не зависит от меня. Вы же знаете, что сроки перевода денежных средств из моей страны непредсказуемы. Мне хотелось бы поставить вас в известность, а также попросить оказать всю возможную помощь в распоряжении этими средствами.

– Сумма, превышающая десять тысяч долларов, должна быть задекларирована.

– Я это знаю. Потому в первый раз мне нужна ваша помощь.

– Я к вашим услугам. Позвольте узнать, о какой сумме речь?

– О ста тысячах долларов США.

– Иван, нашему банку приятно иметь дело с вами. Мы горды, что вы выбрали наш банк.

– Данкевел, Херт. Мне тоже приятно, и я горд доверием вашего банка.

– Это ваши личные средства?

– Нет. Я получаю их для совершения легальной экспортной сделки. Как агент. Мне нужен совет, как оформить поступление средств на счёт, а также рекомендации по их расходу, проводкам и налоговой отчётности.

– Наш банк крупнейший в Нидерландах по работе с денежными средствами населения. Но основная деятельность банка коммерция. Для бесперебойного движения средств по вашему счёту деньги и товар должны иметь легальное про-

исхождение. Обратите внимание на юрисдикцию контракта. Я сделаю для вас сводку. При поступлении средств я немедленно уведомя вас. Вы живёте там же, как указали при открытии счёта?

– Нет, Херт. Я живу у Ватерлооплейн со стороны Заюдеркерк. Вот мой адрес и телефон. Я бываю по утрам до двенадцати... До десяти я точно дома.

Херт проводил меня до выхода.

– Херт, скажите, сто тысяч войдёт в этот портфель? – спросил я напоследок.

– Нет, Иван. Вам нужен в два раза больший кейс. Вы собираетесь обналичить всю сумму? Наш банк готов предоставить кейс подходящего размера.

– Беданкт, но я только спросил. Хочу знать вместимость портфеля.

– Тогда тот зинс! Всего хорошего! Мы ждём ваших дальнейших распоряжений!..

За королевским дворцом я отцепил свой велосипед и через пару минут был у Уландсграхт. Велосипед я привязал на мосту и к гаражу подошёл с самым беспечным респектабельным видом. Там меня встретил Марио.

– Патрон в кафе. Из-за вас он велел завезти молоко. Нам тоже досталось...

Марио вытащил из-за пазухи бутылку карнемелка и сделал большой звучный глоток, а я пересёк бульвар.

Дирк всё так же сидел у распахнутого окна «Каса бьянки»

и махал мне рукой.

– Ян, тащи пистолет и карнемелк! – закричал он, лишь только я переступил порог. – Иван, ваша идея с молочным ассортиментом хороша. Я распорядился всегда держать йогурт, карнемелк и молоко.

– Беданкт, Дирк. Теперь сюда придут не только алкоголики, но и трезвенники.

Дирк осмотрел полупустой зал.

– Пока все те же старые клиенты. Но на уличном щите уже написано: «Свежий заанский карнемелк. При заказе порции блинов – карнемелк бесплатно». Вы будете блины?

– Данкевел. Пистолета достаточно. Почему он так называется?

– Я не знаю. «Пистолет» есть пистолет. Нашпигованный багет. Я столько их съел, когда гонял по горам и полям...

Дирк задумался. Я прервал его мысли.

– Дирк, вы сказали, что можете подобрать машины.

– Вы решили отказаться от наймегенского «БМВ»? Мой гараж к вашим услугам.

– Нет, Дирк. Я решил присмотреть ещё несколько.

– Несколько? Сколько, Иван? Два, три авто?..

– Это зависит от вашей цены.

– Ян, неси телефон!

Кок примчался с телефоном на длинном тонком шнуре, поставил его на стол и мгновенно исчез.

– Марио, тащи прайс-лист продажи! – прокричал Дирк. –

Побыстрее!

Не успел он положить трубку, как Марио уже бежал через бульвар с папкой в руках. Вручив её, он вернулся в гараж.

– Вот всё, что есть у меня. Эти в гараже. А эти в отстойнике. В промзоне недалеко за Вестерпарком, можно съездить и посмотреть. А можете прийти завтра, мы пригоним сюда те, что вас заинтересуют.

– Дирк, здесь только «итальянки». Мне нужны «БМВ».

– Зачем? И почему? Мы договаривались об итальянских марках.

– Нет, Дирк. Вы предложили мне «итальянки». Я это уяснил. Но сейчас мне нужны только «БМВ». Я беру не в свой личный гараж. Я должен скомплектовать полученный заказ. Если у вас нет «немок», я найду в другом месте.

– Марио, найди «БМВ»! – закричал в телефон Дирк. – Нужен выбор!

Выслушав ответ Марио, Дирк переспросил меня:

– Сколько искать немецкой рухляди, Иван? Одну-две машины?

– Я же сказал, что это зависит от вашей цены.

– Сколько вы заплатили в Наймегене и сколько можете заплатить мне?

– Дирк, вам лучше узнать сумму, которой я располагаю. Тогда будем решать, одну или две.

– Сколько у вас денег?

Я покосился на зал. Дирк полез в карман куртки и выта-

шил блокнот с ручкой.

Я написал: «100 USD». Дирк помолчал, затем вполголоса спросил:

– Тысяч?

– Да. Дело надо провернуть за неделю. Я уезжаю в воскресенье. Вам интересно поучаствовать?

– Марио, – закричал Дирк в трубку, – переверни Амстердам и округу! Пригони все «пятёрки»!.. Пробег до ста!.. Что? Пригони все, выставленные на продажу! Сегодня! Брось работу и займись!

Дирк швырнул трубку, затем встал.

– Оставьте пистолет и пойдёмте в контору. Там нам накроют хороший стол.

Мы пересекли бульвар и через красивую парадную дверь вошли в обычный с виду дом слева от гаража. Поднявшись по широкой каменной лестнице, редкой в узких старых голландских домах, мы оказались в большой затемнённой комнате. Высокие тонированные стёкла приглушали свет яркого солнечного дня. Одна из стен была разрисована в броском итальянском плакатном стиле. Тёмно-синее море билось брызгами волн, возмущённых переживаниями музыки. Тонкая девушка причудливо и страстно стебельком изогнулась с микрофоном в руке. Её длинные волосы разлетелись в стороны, и в их сетях бились белые чайки. Справа в стилизованном под китайский инь-янь круге сияла надпись «SANREMO'69». Ниже был меньший круг с надписью

«Festival Della Canzone Italiana».

На противоположной стене над длинным диваном висели афиши, плакаты и большие фотоснимки красивой итальянской певицы. В её фигуре и изгибах тела безошибочно узнавалась девушка с панно напротив. Везде она буквально утопала в цветах. Убранство комнаты дополняли дорогой офисный стол, шкаф с документами, большой удобный кожаный диван, два таких же кресла и длинный журнальный столик. Под кружком с «канцоне итальяна» стояла стойка с проигрывателем и грампластинками. На каждой мельчайшей детали обстановки лежала печать безупречного итальянского стиля.

– Ваша контора?

– Да, это офис «Хеллемы», – ответил Дирк. – Вам здесь нравится? Устраивайтесь.

Я упал на мягкий диван, а Дирк плеснул в фужеры коньяк и сел в кресло напротив.

– Бьянка, сигары! – закричал он и нажал на красную кнопку на журнальном столике.

Дверь медленно раскрылась. Сердце моё дрогнуло и застыло, а в висках застучал молоточек. Держа в вытянутых руках большой футляр с сигарами, в контору вошла совсем юная девушка с длинными, намного ниже пояса золотыми волосами.

Если Эллен была королевой красоты и казалась земной, искренней и скромной голландской девушкой, перед преле-

стью которой невозможно устоять, чьи бездонные васильковые глаза и милые ямочки на щеках вызывали мгновенную симпатию и любовь, то юная Бьянка была из иного, не нашего мира.

Совершенно всё в ней было прекрасно. Её волосы словно лились бесконечной золотой волной. И эти струящиеся волосы, и огромные изумрудные глаза, и тоненькая фигурка при высоком росте, всё в Бьянке вызывало удивление. Но одна черта её лица, невиданная и необычная для людского рода, особенно приковывала к ней взгляд – идеальный античный профиль. Эта девушка словно сошла из-под резца Фидия или Праксителя... Будто лучшее их творение обрело жизнь и явилось мне. Время и всё вокруг куда-то отступили. Я смотрел на человеческое совершенство, и сердце моё не билось.

Бьянка же, не взглянув на меня и не проронив ни звука, поставила сигары на столик и вышла. Кто она?.. Откуда взялась?.. Что здесь делает?.. Почему Дирк не удостоил её ни капелькой внимания?.. В мою душу вкралось недоумение.

– Иван, выбирайте сигару...

Голос Дирка спустил меня с небес. В футляре, большом лакированном коробе, были два ящика поменьше.

– Здесь кубинские сигары. А это голландские. Выбирайте. Знаете, все смеются над голландцами, курящими яванский табак, но мы привыкли к нему с детства. Мой отец был простым рабочим, плотником. Судовым плотником, как

царь Петер. Отец курил морскую глиняную трубку с вонючим яванским табаком. Он говорил, что ждёт дня, когда увидит меня не с трубкой, а с яванской сигарой в зубах. Слова отца я запомнил на всю жизнь.

– Я возьму яванскую, Дирк. Ни разу не пробовал... Боже, какой мерзкий запах. Это из обезьяньего помёта?

– Вроде того. Будьте осторожны, Иван. С непривычки может стошнить. Макните кончик в коньяк.

Мы закурили и откинулись на спинки, положив ноги на столик. Дирк смотрел поверх меня, переводя взгляд с одной афиши на другую. Перед моими глазами во всю стену раскинулось панно. В медленных сизых клубах едкого вонючего дыма море словно ожило, размеренно колышась в ритме извивавшейся певицы.

Дирк встал.

– Вы любите итальянскую музыку?

– Да, Дирк, очень. Обожаю Беллини за изысканную мелодичность. Он моя услада.

– Беллини? Никогда не слышал, – отозвался Дирк. – Извините, новичками совсем не интересуюсь.

– Беллини написал «Норму».

– Нет, не слышал такую канцону. Наверное, что-то совсем новое. Я поставлю своё любимое.

Дирк достал диск и вставил его в проигрыватель. Из колонок баюкающе запела итальянка.

– Нравится? Настоящая канцона. Словно поёт само серд-

це, распахнутое миру. Это старомодная песня... Настоящая классика...

– Я совсем не знаю эту музыку, Дирк. Надо послушать, чтобы понять её прелесть.

– Я вам дам пластинки.

– У меня нет здесь проигрывателя.

– Тогда дам кассеты... Вы не засыпаете под канцону? Может, сейчас перекусим и займёмся делом?

– Пожалуй, да.

– Бьянка! – закричал Дирк.

Бьянка вошла со скатертью в руках, молча расстелила её на столике и также молча вышла. Через мгновение она появилась с тарелками и столовыми приборами, затем начала вносить и расставлять еду. Когда Бьянка наклонялась, в разрезе платья виднелась молодая немятая грудь. Наконец, она принесла салфетки. Я протянул руку, чтобы взять себе, но Бьянка развернула салфетку и накрыла ею мои колени, после чего молча вышла.

– Какая интересная и загадочная девушка, Дирк. Кто она? Она немая?

– Не обращайтесь на неё внимания, Иван. Вас ждут итальянские яства.

Сказав это, Дирк поднял крышку самого большого чугунка, обдавшего нас облаком пахучего пара.

– Спагетти по-милански... Здесь тёртые сыры. Пармезан, маасдам и так далее. Попробуйте всё... Это приправы.

Это знаменитая «карбонара». Вот оливковое масло... Оригинальный сицилийский разлив... А здесь подливка со специями. Это кастрюля с устрицами. Вы любите устрицы?

– Я не знаю. У нас их нет. И лягушек не едим. От них меня вывернет.

– Попробуйте, не бойтесь. Никаких лягушек. Или вот чугунок с мясной поджаркой. Острой. Можете расправиться с нею... Вам налить вина?

– Можно воды?

– Бьянка! Воды без газа! Ты забыла воду!..

Бьянка появилась с бутылкой «Пеллегрини». Никак не отреагировав на резкость тона Дирка, она откупорила бутылку, наполнила мой бокал и вышла.

– Вы молитесь перед едой? – внезапно спросил Дирк.

– Нет, Дирк. Только по большим событиям.

– Молитва – полпути к богу...

Дирк сложил руки на груди и закрыл глаза. Я подождал его.

– Благодарим тебя, господь, за твои милости к нам, – сказал Дирк.

– Аминь.

Мы принялись за еду. Всё было вкусным.

– Что в портфеле, Иван? – нарушил молчание Дирк. – Для ста тысяч он мал. Для золотых слитков хлипкий.

– Я шёл в банк и взял портфель для солидности. В нём пачка чистой писчей бумаги. Но она понадобится сейчас. Я

хочу посмотреть ваши закрытые контракты. Мне нужен образец для оформления формального письма в банк для перевода средств.

– Наши контракты на голландском и итальянском. Вы не разберётесь, Иван.

– Это не важно. Мне нужна лишь форма. Я разберусь. И, если у вас есть, нужна пишущая машина.

– Бьянка! Достань синюю и зелёные папки и положи на стол, – распорядился Дирк вошедшей на его зов красавице. – И расчехли тайпрайтер.

Бьянка нашла в шкафу нужные папки и серую пишмашинку и вышла.

– Дирк, если можно, то после обеда я часок посижу здесь с бумагами. Потом отправлюсь в библиотеку университета и найду там деловую литературу. На это мне нужен будет также час. Затем вернусь сюда и оформлю письмо партнёру.

– Как у вас всё просто делается, Иван. Мы так быстро не можем.

– Это не просто, Дирк. Я должен сделать так, чтобы дела пошли у меня и моих партнёров, у вас и ваших партнёров, и, наконец, у голландского и советского банков.

– Странно это слышать, Иван. Говорится, что покупатель должен иметь сто глаз, продавец один. У вас наоборот, но ваша позиция мне нравится. Я выпью за ваше здоровье.

– Торгуй правдою, больше барыша будет...

Через полчаса Дирк спустился в гараж, а я сел за рабо-

чий стол изучать бумаги голландского гаража. Сделав выписки, я вышел из конторы в холл, где с книгой в руках перед включённым телевизором сидела Бьянка. Я был столь сильно ослеплён её необычной красотой, что всё вокруг казалось радужным, сказочным.

— Бьянка, данкевел за гостеприимство и за вкусный обед, — впервые обратился я к девушке. — Чуть не проглотил язык.

Девушка вскочила на ноги и на неуловимый миг подняла на меня глаза. Лишь на миг. Склонив голову, она стояла передо мною — выше меня на полголовы, тонкая, стройная, длинноногая.

— Где Дирк?

Бьянка указала на входную дверь. Я попрощался и сбежал по лестнице вниз.

— Бедная немая девочка, — думал я. — Ужасно жить, будучи неспособной выразить себя и оттого чувствуя себя неполноценной... И ведь так она прекрасна!..

При виде Бьянки перехватывало дыхание. Должно быть, у всех. Наверное, бедняжка не выходит из дома, чтобы не привлекать внимание и не попасть в беду. И почему безразличен к ней Дирк. Словно бы Бьянки не существовало... Почему он слеп?..

В гараже царило оживление. Сверкающая хромом молочно-белая «пятёрка» стояла над ямой. Ещё две, ярко-красная и синяя, висели подвешенными над головой. У ворот фырчала мотором чёрная. В ней сидел Марио.

– Патрона нет, – завидев меня, закричал он. – Будет через полчаса!

– Марио, я в университет. Передайте Дирку, что вернусь через час.

Амстердамский университет был совсем рядом. Каникулы кончились, и библиотечный зал был переполненным. Первокурсники усердно зубрили свои первые задания. Я нашёл нужные полки и углубился в тонкости европейского документооборота. Работы было на час, и вскоре я вернулся в «Хеллему» и напечатал письмо.

Дирка я нашёл в яме, где наравне с другими крутил гайки и был перемазан маслом. Вытерев руки, Дирк провёл меня контору и поставил печать на бумагах. Я набрал Серёгу.

– Слава богу, – радостно прокричал он. – Я весь истомился. Всегда так, Иван: денег нет – плохо, деньги есть – проблемы.

– Серёга, пока нормально, как договорились. Я ношусь по Амстердаму словно рысак на бегах. Шлю факсом три страницы, две из них с печатями. Как пройдут – перезвоню, чтобы узнать, всё ли в порядке.

Мы с Дирком наблюдали, как факс с писком пожирает бумагу.

– Он сказал, когда придут деньги? – спросил Дирк.

– Деньги у вас будут не когда упадут на мой счёт, а когда вы соберёте товар. Сначала их следует вовремя получить. Когда придут, то сообщу. Тогда мы осмотрим каждую маши-

ну с бумагой в руках, запишем все недостатки, и вы исправите их. Затем обсудим цену и способ отправки в Ленинград.

Факс пискнул и замигал зелёным. Я набрал Серёгу.

– Ваня, это лучше, чем я мог представить! – прокричал он. – Я сейчас же в банк.

– Серёга, здесь шесть часов, а у вас банк давно уже закрыт.

– Нет, у меня есть час. Успею. Я помчался. С меня, Иван, магарыч! Как вернёшься, то попляшем с девочками! Погарцуем по Невскому...

Серёга радостно расхохотался и бросил трубку.

– Что сказал ваш партнёр, Иван? – спросил Дирк.

– Всё отлично, Дирк. Партнёр сказал, что идёт с бумагами в банк. Спасибо вам. Вы помогли всё сделать быстро и правильно.

– Не за что. Вы останетесь поужинать? Вы наработали за троих. Мы можем съездить в хороший ресторан.

– Беданкт, Дирк, но нет. Я устал. Еду спать.

– Возьмите кассету с канцонами.

– Мне понравилась песня, что звучала в машине. Она легла на сердце. Что-то о Касабланке.

– У вас хороший вкус, Иван. Это была «Каса бьянка». Она всем нравится, но на конкурсе канцон победили другие.

– Был бы рад услышать её снова. Она есть в записи?

– Да.

Мы попрощались, и я отправился домой. Окно соседки было задёрнутым гардиной. Ян у Ким, подумал я и отпра-

вился в душ. Когда я помылся, то соседка с другом уже курили у окна: он в халате, а Ким, как обычно, нагишом.

– Ваня, ты всё ещё живой?

– Живой. Где наш прекрасный соловей Энцо?

– Соловья сожрали кошки. Или он в театре.

– Что ж, вот вам музыка. Послушайте, потанцуйте...

Перебросив через улицу кассету с канцонами, я упал в постель.

V.

Я проснулся от трелей телефона. Одиннадцатый час. Боже, как я мог проспать?

– Худеморхен, Иван. Это Херт из банка, – услышал я знакомый голос. – Я вас не потревожил? Или вы с утра в опере?

– Ну что вы, Херт, я не в опере. Это мой сосед поёт за стенкой. Он оперная звезда. Что-то случилось? Наш банк не ограбили? Мои пять тысяч целы?

– Слава богу, всё в порядке, Иван. У меня для вас приятная новость. Утром на ваш счёт поступили ровно сто тысяч долларов США. Как вы уведомили нас. Когда вы можете заехать? Вам надо заполнить декларацию. Тогда вы сможете пользоваться своими деньгами.

– Буду через полчаса, Херт.

– До встречи. Я буду вас ждать.

Я набрал Серёгу.

– Привет. Всё нормально. Мамину посылку с зеленью

получил. Быстро, словно с неба свалилась. Пока без усушки-утруски. Это всё, я срочно выхожу.

– Иван, закатай себе банкет на пару штук. Пошвыряйся сотенными. Пусть знают, что ты серьёзный товарищ. Ты же похож на внебрачного царского отпрыска.

– Да, Серёга, знатный купец в красных сапожках ходит. Но здесь этого не поймут. Отложим на потом. Я позвоню завтра утром. Пока!

Я подошёл к окну.

– Ваня, – закричала Ким, – ты решил гулять по дому голышом? Ты вылитый Адам!

– Извини, Ким, но голова идёт кругом. Никуда не успеваю. Я сейчас оденусь.

– Брось, Ваня! Поболтаем так, по-библейски? Только заткну нашего оперного соседа!.. Эй, Энцо!.. Сколько можно выть? Сходи же наконец к дантисту! Это за углом...

Энцо высунулся из своего окна.

– Буон джорно, Джанни! – завопил он. – Что случилось? Почему ты голый?

– Ничего особенного. Я только что проснулся.

– Ваня проснулся от твоего воя, Энцо, – вставила Ким. – Ты бы прогулялся. Сходи в парк, там есть, где петь, никому не мешая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.